

ЗИГМУНД

ФРЕЙД

*ПСИХОЛОГИЯ МАСС
И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Зигмунд Фрейд
Психология масс и анализ
человеческого «я» (сборник)
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23653611

*Психология масс и анализ человеческого «я»: [сборник] / Зигмунд
Фрейд: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107831-7*

Аннотация

Одна из самых известных работ Зигмунда Фрейда, написанная в развитие идей, высказанных Гюставом Лебоном в книге «Психология народов и масс».

Психология толпы. Чем она отличается от психологии одного конкретного индивида? Почему, оказавшись в толпе, люди зачастую отказываются от собственного «я» и отпускают на волю инстинкты, которым никогда не дали бы проявиться в обычных обстоятельствах? Куда исчезают страх, совесть и чувство ответственности? Почему в толпе отключается осознанное восприятие реальности и стираются индивидуальные черты?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Психология масс и анализ человеческого «я»	5
I	5
II	9
III	27
IV	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Зигмунд Фрейд

Психология масс и анализ человеческого «я»

Сборник

Sigmund Freud

Massenpsychologie und Ich-Analyse

© Перевод. А. Анваер, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Психология масс и анализ человеческого «я»

I Введение

Разница между индивидуальной психологией и психологией социальной (психологией масс), представляющаяся, на первый взгляд, весьма значительной, при внимательном рассмотрении оказывается вовсе не такой уж существенной. Индивидуальная психология выводит свои заключения из наблюдений над отдельным человеком и исследует, каким образом данный человек стремится удовлетворить свои влечения, но надо отдавать себе отчет в том, что лишь в исключительно редких случаях и лишь при определенных условиях можно в этих исследованиях отвлечься от отношений исследуемого человека к другим индивидам. В душевной жизни индивида другой – и это правило – выступает в роли образца, объекта, помощника или противника, и, следовательно, индивидуальная психология изначально является, одновременно, и социальной психологией – в таком расширительном, но вполне оправданном толковании.

Отношение индивида к родителям, братьям и сестрам, к

предмету любви, к врачу, а также все отношения, каковые до сих пор были предметом психоаналитического исследования, могут претендовать на трактовку их как социальных феноменов и быть, таким образом, противопоставлены другим феноменам, которые мы можем назвать нарциссическими, то есть феноменами, при которых удовлетворение влечений ускользает от влияния других людей или протекает без взаимодействия с ними. Противоположность между социальными и нарциссическими – Блейлер, вероятно, назвал бы их «аутистическими» – психическими актами находится, следовательно, внутри области индивидуальной психологии и не может быть использована для того, чтобы отграничить ее от социальной психологии (или от психологии масс).

В упомянутых отношениях к родителям, братьям и сестрам, к возлюбленным, друзьям и врачу индивид всегда испытывает влияние очень ограниченного числа лиц, из которых каждое имеет для него огромное значение. В настоящее время принято, говоря о социальной психологии или психологии масс, отвлекаться от этих отношений и выделять в качестве предмета исследования одновременное влияние на индивида большого числа лиц, с которыми он связан в каком-то одном отношении, в то время как во многих других отношениях они остаются ему чуждыми. Социальная психология, или психология масс, занимается, таким образом, отдельным человеком как членом племени, народа, касты, сословия, учреждения или как составной части челове-

ческой толпы, возникшей и организованной в известное время для достижения какой-то конкретной цели. После того, как эта естественная связь разрывалась, было логично рассматривать возникающие в этих особых условиях явления как выражение особого, не сводимого к более простым формам влечения, социального влечения – herd instinct, group mind (стадного инстинкта, группового разума [англ.]), – которые не возникают в других условиях. Против этого можно возразить, что трудно представить себе, будто сама по себе численность может иметь такое большое значение, что она может сама по себе пробудить в человеческой душе новое, дремавшее до той поры влечение. Мы обратим внимание на две другие возможности: социальное влечение не является первичным, элементарным или неразложимым, и начало его формирования находится в пределах более тесного круга, например в семье.

Психология масс находится пока в самом зачаточном состоянии и обнимает необозримое множество отдельных, частных проблем и ставит перед исследователем бесчисленные задачи, которые до сих пор даже отчетливо не сформулированы. Одна только классификация различных форм организации масс и описание присущих им психических феноменов требуют огромного числа наблюдений и их обобщения и представления, каковые содержатся в достаточно богатой литературе по этому вопросу. Если сравнить скромный объем данной книжки с огромным объемом литературы, по-

священной психологии масс, то нетрудно понять, что в ней будут рассмотрены лишь немногие разделы всего материала. В самом деле, здесь будут рассмотрены лишь те вопросы, которые могут вызвать особый интерес у психоаналитика и заставить его углубленно их исследовать.

II

Душа масс в представлении Лебона¹

Мне представляется разумным и более целесообразным не давать определение души масс, а начать с указания на область ее проявления и извлечь из нее наиболее заметные и характерные факты, с которых и можно будет начать исследование. Мы достигнем обеих целей, если воспользуемся отрывками из пользующейся заслуженной известностью книги Гюстава Лебона «Психология народов и масс».

Еще раз уясним себе суть дела: если психология, целью которой является изучение наклонностей, влечений, мотивов, взглядов индивида, объясняющих его действия и отношение к своему ближайшему окружению, до конца решит эту задачу и сумеет объяснить все эти взаимоотношения и взаимозависимости, то она неизбежно столкнется с новой, неразрешенной проблемой. Психологии придется объяснить поразительный факт: ставший понятным ей индивид, оказавшись в определенных условиях, начинает абсолютно по-иному чувствовать, мыслить и действовать, то есть вести себя не так, как мы от него ожидаем, и этим условием является присоединение индивида к человеческой толпе, обладающей свойствами некой «психологической массы». Но что

---

¹ У Лебона в книге используется термин «душа толпы». – Примеч. ред.

представляет собой эта «масса», каким образом приобретает она способность так кардинально и решительно влиять на душевную жизнь индивида и в чем заключаются психические изменения, каковые она навязывает индивиду?

Для того, чтобы ответить на эти три вопроса, надо привлечь к их решению данные теоретической психологии. Лучше всего начать с попытки ответа на третий вопрос. Наблюдение измененной реакции индивида предоставляет нам материал для изучения психологии масс; каждой попытке объяснения какого-то феномена должно быть предпослано описание того, что подлежит объяснению.

Предоставим слово самому Лебону. Он пишет (стр. 165²): «Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющий их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, чувствовал и действовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе,

---

² Здесь и далее цитируется по изданию: Лебон Г. «Психология народов и масс». Москва: Издательство «АСТ», 2016.

подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие путем этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности».

Мы позволим себе прервать изложение Лебона и сделаем одно важное, на наш взгляд, замечание: если отдельные индивиды в массе объединяются в некоторое единое целое, то должно существовать нечто, что их соединяет, и этим связующим материалом как раз и может быть то, что характерно для массы. Лебон, однако, не отвечает на этот вопрос. Он старается разобраться с изменениями индивида в массе и описывает это изменение выражениями, хорошо согласующимися с фундаментальными предпосылками глубинной психологии.

(Стр. 163). «Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Для того чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно: что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессозна-

тельных двигателей, которым он повинуется. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения».

В массе, считает Лебон, исчезают индивидуальные достижения отдельно взятого человека, а следовательно, исчезает и его самобытная оригинальность. На передний план выступает расовое бессознательное, разнородное утопает в однородной массе. Мы можем, таким образом, утверждать, что психологическая надстройка, каковая столь своеобразно развивается у каждого индивида, разрушается и исчезает, и при этом обнажается одинаковый у всех членов массы бессознательный фундамент.

Таким образом мог бы осуществиться усредненный характер человека толпы. Правда, Лебон утверждает, что у людей, составляющих массу, проявляются новые качества, каковыми они до объединения в массу не обладали. Это утверждение Лебон обосновывает тремя главными аргументами.

(Стр. 165). «Первая из этих причин заключается в том, что индивид в толпе приобретает благодаря только численности сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он бывает один. В толпе же он тем менее склонен обуздывать эти инстинкты, что толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

С нашей точки зрения, однако, не следует придавать столь большое значение появлению новых качеств. Будет достаточно сказать, что в массе индивид попадает в такие условия, которые позволяют ему отбросить прочь вытеснение его бессознательных влечений. Эти якобы новые свойства, проявленные индивидом, суть всего лишь отражение бессознательного, в котором таится все зло человеческой души; легко понять происходящее в таких условиях исчезновение совести или чувства ответственности. Мы уже давно придерживаемся того взгляда, что ядром так называемой совести необходимо является «социальный страх».

Известные отличия взглядов Лебона от наших взглядов заключаются в том, что его понимание бессознательного не совпадает с пониманием бессознательного в психоанализе. Бессознательное Лебона прежде всего содержит глубочай-

шие отличительные признаки расовой души, которую психоанализ, собственно говоря, исключает из рассмотрения. Мы, однако, признаем, что ядро человеческого «я», которому принадлежит «архаическое наследие» человеческой души, является бессознательным, но при этом мы выделяем «вытесненное бессознательное», каковое является производным некоторой части этого наследия. Понятие вытесненного отсутствует у Лебона.

(Стр. 165). «Вторая причина – заразительность, или зараза, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и поэтому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы».

Эта последняя фраза позднее послужит нам основанием для одного важного предположения.

(Стр. 165). «Третья причина, и притом самая важная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специ-

альных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, это – восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин, – неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта... Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же, как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью, в толпе же эта неудержимая стремительность

проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности».

(Стр. 166). «Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи – вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует».

Я привел такую подробную и обширную цитату для того, чтобы подтвердить, что Лебон действительно считает состояние индивида в толпе гипнотическим, а не просто похожим на гипнотическое. Мы не видим в этом никакого противоречия, но хотим лишь подчеркнуть, что две последние причины изменения поведения индивида в толпе – зараза и высокая внушаемость – не тождественны друг другу, так как зараза является следствием внушаемости, а не наоборот. Представляется, что влияние обоих моментов в тексте Лебона отчетливо не разграничено. Может быть, наше истолкование его мнения будет наилучшим, если мы объясним заразу взаимным гипнотическим влиянием отдельных членов толпы друг на друга. В то же время явления внушения в толпе, возникающие одновременно с феноменами гипнотического

влияния, указывают на иной, внешний по отношению к толпе источник. Что же это за источник? У нас должно возникнуть ощущение неполноты, оттого что одна из главных составных частей этого уравнения, а именно человек, играющий в глазах толпы роль гипнотизера, в тексте Лебона не упоминается вовсе. Тем не менее, он отличается от этого остающегося во мраке околдовывающего влияния некое заразительное действие, каковое оказывают друг на друга составляющие толпу индивиды, и это действие усиливает первоначальную суггестию.

Вот, однако, еще один пункт, важный для суждения об индивиде, составляющем часть толпы:

(Стр. 167). «Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, т. е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку».

Лебон в особенности подчеркивает снижение интеллектуальных способностей, характерное для человека, присоединившегося к толпе³.

---

³ Ср. «Каждый отдельно взятый сносно умен и понятлив; В полном составе они:

Оставим теперь в покое индивида и обратимся к описанию души толпы в том виде, в каком ее представляет себе Лебон. Здесь мы не видим ни одной черты, выявление и оценка которой представляли бы трудность для психоаналитика. Собственно, Лебон сам указывает нам путь к разгадке, говоря об аналогии с душевной жизнью первобытных людей и детей (стр. 169).

Толпа импульсивна, переменчива и раздражительна. Толпа управляется почти исключительно сферой бессознательного. Импульсы, которым подчиняется масса, могут, в зависимости от обстоятельств, быть благородными или грубыми, героическими или трусливыми, но в каждом случае, однако, они являются настолько императивными, что подминают под себя всякие личностные качества и даже ослабляют инстинкт самосохранения (стр. 170). У толпы нет преднамеренных целей. Даже если толпа страстно чего-то жаждет, то это устремление никогда не является продолжительным; к упорной воле толпа не способна. Толпа не выносит никакого промедления между появлением желания и его осуществлением. Толпа ощущает себя всемогущей, у индивида в толпе исчезает понятие о невозможном.

Толпа исключительно легко поддается внушению, она легковажна и лишена критики, для толпы не существует невероятного. Толпа мыслит образами, которые по поверхностным ассоциациям возникают один из другого, как это бывает у

тогда пред вами глупец».(Ф. Шиллер).

человека, находящегося во власти свободных фантазий, не имеющих никакого реального отношения к действительности. Чувства массы всегда очень просты и избыточны. Толпа не знает ни сомнений, ни ощущения неопределенности.

В толковании сновидений, из которого мы почерпнули самые достоверные сведения о бессознательной душевной жизни, мы следуем техническому правилу, в соответствии с которым не обращаем внимания на сомнения и неуверенность в рассказах о сновидениях и рассматриваем каждый содержательный элемент сновидения как абсолютно достоверный. Мы считаем сомнения и неуверенность следствием влияния цензуры, которой подвергается воспоминание о сновидении, и принимаем, что первичные мысли сновидений не знают сомнений и неуверенности, так как лишены всякой критики. Тем не менее, сомнение и неуверенность могут, как и все прочее, иметь место в сновидениях, как остатки дневных впечатлений. (См. «Толкование сновидений»).

Толпа в своих действиях немедленно переходит к крайностям, любое высказанное подозрение тотчас превращается в толпе в неопровержимую истину, зародыш антипатии превращается в дикую ненависть (стр. 182).

Именно такое усиление и доведение до крайности всех чувств составляет содержание аффективной жизни ребенка, и оно же воспроизводится в жизни сновидения, где, благодаря господствующему в подсознании усилению и выделению

отдельных эмоциональных побуждений, легкое раздражение наяву, направленное против какого-либо человека, может во сне превратиться в пожелание ему смерти, а намек на искушение превращается в причину преступления, имеющего место в сновидении. Относительно этого факта доктор Ганс Сакс сделал очень проницательное замечание: «То, что сновидение сообщило нам об отношении к реальной действительности, мы затем хотим отыскать в сознании, и не должны удивляться, если чудовище, виденное нами сквозь увеличительное стекло анализа, окажется всего лишь инфузорией» («Толкование сновидений»).

Склонная ко всяческим крайностям масса возбуждается лишь чрезмерными раздражителями. Тот, кто хочет воздействовать на толпу, не нуждается в логически обоснованных аргументах, он должен рисовать впечатляюще сильные картины, преувеличивать и повторять одно и то же.

Поскольку масса не испытывает сомнений относительно истинности или ложности чего бы то ни было и отчетливо ощущает свою силу, постольку она отличается крайней нетерпимостью, но легко верит авторитету. Она уважает силу и слабо поддается влиянию доброты, каковую считает своего рода слабостью. От своих героев толпа требует силы и даже насилия. Она хочет, чтобы над ней господствовали, чтобы ее подавляли, она хочет бояться своего повелителя. Консервативная по своей сути масса испытывает глубочайшее отвращение ко всем новшествам и прогрессу, но испытывает

безграничный трепет перед традицией (стр. 187).

Чтобы составить правильное суждение о нравственности массы, надо принять во внимание, что у всех индивидов, составляющих массу, отказывает всякое индивидуальное торможение, и все грубые, жестокие и разрушительные инстинкты, представляющие собой пережитки первобытной дикости и дремлющие в человеческой душе, пробуждаются для свободного следования влечениям. Надо, однако, заметить, что под влиянием внушения высоких нравственных категорий масса способна на самоотречение, бескорыстие и жертвенность во имя благородных идеалов. И если для изолированного индивида личная выгода практически всегда является двигательной пружиной его действий, в толпе личная выгода отступает на задний план. Можно даже говорить об облагораживающем влиянии массы на отдельного индивида (стр. 188). В то время как интеллектуальная деятельность массы всегда сильно отстает от интеллектуальной деятельности отдельно взятого индивида, в нравственном отношении поведение толпы может или далеко превосходить поведение отдельного индивида, или пасть намного ниже его.

Характеристика, данная Лебоном, проливает свет на оправданность сравнения души массы с душой первобытного человека. В массе могут легко ужиться рядом две взаимоисключающие друг друга идеи, и при этом их соседство не приводит к логическому конфликту. То же самое происходит в бессознательной душевной жизни индивидов, детей и

невротиков, что уже давно было убедительно доказано психоанализом.

Например, у маленького ребенка в течение довольно длительного времени могут существовать амбивалентные чувства в отношении самого близкого ему человека, и при этом проявление одной из установок не мешает проявлению другой, ей противоположной. Когда же между противоположными установками наконец развивается конфликт, он разрешается в результате того, что ребенок меняет объект, одно из амбивалентных чувств смещается на замещающий объект. Из истории развития невроза у взрослого пациента можно вывести, что подавленное чувство – иногда весьма продолжительное время – продолжает существовать в бессознательном, а иногда и в осознаваемых фантазиях, содержание которых прямо противоречит доминирующему устремлению, и при этом из такой противоречивости не рождается протест «я» против того, что оно, естественно, отвергает. Такие фантазии некоторое время остаются терпимыми – до тех пор, пока (как правило, вследствие повышения аффектации) ситуация не взрывается и не возникает конфликт между фантазиями и «я» со всеми вытекающими из этого последствиями.

В процессе развития человека от ребенка до зрелой взрослой личности происходит нарастающая интеграция личности, объединение независимых вначале инстинктивных влечений и специфических устремлений. Аналогичный процесс

в сфере сексуальной жизни давно известен нам как объединение всех половых влечений в окончательно оформившуюся генитальную организацию. («Три статьи по теории сексуальности», 1905). Впрочем, многочисленные примеры указывают на то, что объединение «я» может быть в такой же степени нарушенным, как и объединение либидо – как показывает пример естествоиспытателей, верующих в Священное Писание.

Масса, помимо прочего, легко подчиняется поистине магической силе слов, каковые могут вызвать в душе массы ужаснейшие бури, но могут ее и успокоить (стр. 227). «Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением, – и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются. Многие сравнивают такие слова с силами природы или даже со сверхъестественной властью» (стр. 227). Здесь было бы уместно вспомнить табу имен у первобытных народов, о магической силе, каковую эти народы приписывали именам и словам.

И, наконец, массы никогда не знали жажды истины. Массы требуют иллюзий, без которых не могут обойтись. Мнимое всегда имеет у них преимущество перед реальным, несуществующее влияет на них почти так же сильно, как действительность. Масса обладает явной склонностью не делать различий между ними (стр. 197).

Мы показали, что определяющим фактором в психоло-

гии неврозов является доминирование фантастической жизни и обусловленных неисполнением иллюзорных желаний. В своих исследованиях мы обнаружили, что для невротиков имеет значение не обычная объективная реальность, а реальность психическая. Истерический симптом зиждется на фантазии, а не на воспроизведении пережитой реальности; навязчивое невротическое осознание вины зиждется на факте неосуществленного злого умысла. Так же, как в сновидении и при гипнозе, в душевной деятельности толпы доказательства реальности отступают на задний план перед силой аффективно окрашенных желаний.

О вождях массы Лебон говорит менее исчерпывающе; в изложении Лебона мы не усматриваем здесь никаких отчетливых закономерностей. Лебон считает, что как только живые существа объединяются в известном количестве – не важно, будет ли это стадо животных или человеческая толпа, – они немедленно и инстинктивно подчиняются авторитету вожака (стр. 239). Масса – это покорное стадо, не способное жить без господина. Масса обладает таким жадным стремлением к подчинению, что инстинктивно готова пасть к ногам любого, кто объявит себя ее вождем.

Помимо того, однако, что масса испытывает инстинктивную потребность в вожде, он, тем не менее, должен обладать определенными личностными качествами. Он должен сам искренне верить в идею, чтобы пробудить такую же веру в массу, вождь должен обладать сильной, вызывающей все-

общее восхищение волей, каковой он заражает безвольную массу. Далее Лебон обсуждает различные типажи вождей и те средства, с помощью которых они воздействуют на массу. В целом Лебон считает, что вождь влияет на массу фанатизмом, с которым он сам верит в идеи, которые хочет ей внушить.

Этим идеям, так же, как и самим вождям, Лебон приписывает таинственную и непреодолимую силу, каковую он называет «обаянием». Обаяние – это своеобразное господство над нами со стороны индивида, произведения или идеи. Обаяние парализует нашу способность к критике и наполняет нас благоговейным восхищением и вниманием. Обаяние вызывает чувство, сходное с гипнотическим трансом (стр. 250).

Лебон различает приобретенное, или искусственное, обаяние и обаяние личное. В первом случае обаяние достигается именем, богатством, репутацией; обаяние мировоззрений, произведений искусства и т. п. создается традицией. Так как обаяние во всех случаях опирается на прошлое, оно, само по себе, мало дает для понимания своего загадочного влияния. Личное обаяние характерно для немногих людей, каковые в силу этого своего обаяния становятся вождями. Именно своему обаянию эти люди обязаны тем, что все подчиняются им, словно под воздействием некоего магнетического волшебства. Однако всякое обаяние зависит от успеха и может быть утрачено при неудаче (стр. 260).

Вообще, при чтении Лебона не создается впечатление, что

он верно связывает роль вождя и важность обаяния с блестящим описанием души массы.

III

Другие оценки коллективной душевной жизни

Мы воспользовались изложением Лебона как введением, поскольку то значение, какое он придает бессознательной душевной жизни, в большой степени совпадает с нашими воззрениями на психологию. К этому, правда, надо добавить, что ни одно из утверждений автора не является чем-то принципиально новым. Все то уничтожающее и уничтожительное, что Лебон говорит о проявлениях массовой души (души масс), было уже сказано до него другими с той же определенностью и той же враждебностью, все это с древнейших времен говорили и писали мыслители, государственные деятели и поэты. Оба положения, содержащие важнейшие взгляды Лебона – положение о коллективном подавлении интеллектуальной деятельности и положение об усилении аффекта в массе, были до него сформулированы Шипио Сигеле. В сущности, на долю Лебона остаются лишь две точки зрения на бессознательное и сравнение душевной жизни массы с душевной жизнью первобытных народов, хотя и эти вопросы затрагивались в литературе и до Лебона.

Мало того, описание и оценка души массы в том виде, как ее преподносят Лебон и другие, ни в коем случае не остались

неизменными. Нет сомнения в том, что все ранее описанные феномены массовой души верно соответствовали наблюдениям, но есть, однако, и другие, противоположные проявления массы, позволяющие дать ее душевной жизни намного более высокую оценку.

Сам Лебон тоже был готов признать, что нравственность массы при определенных условиях может оказаться выше, чем нравственность каждого из составляющих массу индивидов, и что только собранные в толпу люди способны на величайшее бескорыстие и самоотверженность.

(Стр. 189): «Личный интерес очень редко бывает могущественным двигателем в толпе, тогда как у отдельного индивида он занимает первое место».

Другие считают, что именно общество предписывает индивиду нравственные нормы, в то время как индивид, как правило, отстает от этих высоких требований. В исключительных состояниях именно в толпе проявляется феномен воодушевления, благодаря которому толпа становится способной на прекрасные и возвышенные поступки.

В том же, что касается интеллектуальной деятельности, то надо, конечно, констатировать, что великие достижения мысли, значимые открытия и разрешения сложных проблем доступны лишь индивидам, работающим в уединении. Но, однако, и душа массы способна на гениальные духовные творения, каковыми являются язык, народные песни, фольклор

и т. п. Помимо этого, можно лишь догадываться, скольким обязаны своими озарениями отдельные мыслители и поэты массе, среди которой они живут. Возможно, что они являются лишь исполнителями духовной работы, в которой участвуют и многие другие.

Перед лицом этого противоречия может показаться, что вся работа психологии масс едва ли окажется плодотворной. На самом деле, однако, обнадеживающий выход есть, и найти его очень легко. Вероятно, термином «массы» объединяют самые разнообразные феномены, которые требуется отделить друг от друга. Рассуждения Сигеле, Лебона и других исследователей относятся к массам недолговечным, которые быстро возникают из самых разнородных индивидов под влиянием скоропреходящих интересов. Нет никакого сомнения в том, что на описания этих авторов большое влияние оказали революционные массы, в особенности массы Великой Французской революции. Противоположные утверждения основаны на оценках тех устойчивых масс, каковые воплощаются в стабильных общественных институтах. Массы первого рода относятся к массам второго рода так же, как высокие ветровые волны относятся к невысоким, но длинным волнам морской зыби.

МакДугалл, который в своей книге «The Group Mind» («Групповое сознание») исходит именно из упомянутого выше противоречия, находит его разрешение в моменте организации. В простейшем случае, утверждает МакДу-

галл, масса (the group), вообще, не обладает никакой организацией или имеет начатки организации, не заслуживающие, впрочем, такого названия. Такую массу МакДугалл обозначает словом «толпа». Тем не менее, он признает, что собрать толпу – непростое дело, что толпа образуется под влиянием неких начатков организации, и именно в этих простых массах с наибольшей легкостью распознаются основные факты коллективной психологии. Для того, чтобы из случайно собравшихся членов человеческой толпы образовалось нечто похожее на массу в психологическом смысле, должно быть соблюдено следующее условие: эти индивиды должны иметь между собой что-то общее: общий интерес к некоему объекту, общую направленность чувств в известной ситуации и (я бы сказал, что вследствие этого) известную степень способности влиять друг на друга. (Some degree of reciprocal influence between the members of the group). Чем сильнее эта общность (this mental homogeneity), тем легче образуется из отдельных индивидов психологическая масса и тем заметнее становятся проявления души массы.

Самым поразительным, но в то же время самым важным феноменом, характеризующим массу, является повышение аффективности каждого индивида в массе (exaltation or intensification of emotion). Можно сказать, замечает МакДугалл, что аффекты человека едва ли достигают такой силы в условиях иных, нежели в массе; это очень приятное чувство для участников, которые имеют возможность безгра-

нично отдаться своим страстям, теряя чувство индивидуального обособления и полностью сливаясь при этом с массой. Это увлечение индивидов потоком массы МакДугалл объясняет исходя из изобретенного им принципа прямого внушения эмоций путем примитивных симпатических реакций (principle of direct induction of emotion by way of primitive sympathetic responses), то есть из уже давно известной нам заразительности чувств. Давно известен тот факт, что внешние признаки аффективного состояния могут автоматически вызвать тот же аффект у стороннего наблюдателя. Это автоматическое принуждение будет тем сильнее, чем больше в толпе людей с внешними проявлениями такого аффекта. Критическое мышление индивида отказывает и умолкает, и он сам отдается этому аффекту. При этом он усиливает возбуждение других индивидов, которые, в свою очередь, продолжают влиять на него самого, и взаимное возбуждение повышает общий градус аффекта в толпе. При этом проявляется необоримая тяга действовать заодно с другими, быть равным со всеми. С наибольшей вероятностью в массе таким способом распространяются именно самые грубые и самые простые чувства.

Этому механизму повышения аффективности в еще большей степени благоприятствуют некоторые другие, исходящие от массы влияния. Масса производит на индивида впечатление неограниченной непреодолимой и опасной силы. Толпа на краткий миг занимает место всего человеческого

общества, которое воплощает в себе высший авторитет, наказания которого люди боятся; общества, в угоду которому люди накладывают на себя столь много разных ограничений. Сознавая очевидную опасность вступления в противоречие с обществом, люди чувствуют себя в безопасности, следуя примеру ближайшего многочисленного окружения, и даже начинают «выть по-волчьи». Повинуясь новому авторитету, индивид получает право исключить «совесть» из мотивов своих действий и при этом поддаться соблазну получения удовольствия, к которому человек стремится, отбрасывая задержки и подавление. В общем, не вызывает удивления тот факт, что индивид в массе совершает или одобряет такие вещи, от которых он с отвращением отвернулся бы в своих обычных жизненных условиях, и мы должны надеяться, что это позволит нам немного рассеять тьму, окружающую загадочное слово «внушение».

Сам МакДугалл тоже не возражает против утверждения о подавлении интеллектуальной деятельности в массе. МакДугалл говорит, что более высокий интеллект снижается под влиянием более низкого, спускаясь на его уровень. Высокий интеллект подавляется, так как повышение аффективности вообще создает неблагоприятные условия для умственной и духовной работы, так как индивид обычно бывает запуган массой, так как мышление индивида теряет свою свободу и так как у каждого индивида ослабляется чувство ответственности за свои действия.

Общее суждение о психической деятельности простой «неорганизованной» массы у МакДугалла такое же негативное, как и у Лебона: масса легко возбудима, импульсивна, подвержена слепым страстям, непостоянна, непоследовательна, нерешительна, но при этом готова к любым крайностям в своих поступках, восприимчива только к грубым страстям и самым элементарным чувствам, чрезвычайно внушаема, легкомысленна в своих суждениях, без рассуждений выносит приговоры, откликается лишь на самые простые и несовершенные заключения и аргументы, легко управляема. Массу легко утратить, у нее отсутствует самосознание, самоуважение и чувство ответственности, но, сознавая свою силу, она готова к любым преступлениям, которых мы можем ожидать лишь от самой абсолютной и безответственной власти. Таким образом, масса ведет себя как невоспитанный ребенок или как страстный необузданный дикарь в незнакомой для него ситуации; в самых худших случаях поведение толпы больше похоже на поведение стаи диких зверей, чем на поведение собрания человеческих существ.

Так как МакДугалл противопоставляет поведение высокоорганизованной массы поведению массы, описанной выше, то нам было бы в высшей степени интересно узнать, в чем заключается организованность массы и какими моментами она определяется и устанавливается. Автор насчитывает пять таких *principal conditions* (основных условий), необ-

ходимых для перехода душевной жизни массы на более высокий уровень.

Первым условием является известная степень постоянства в составе массы. Постоянство это может быть материальным или формальным. В первом случае в массе длительное время находятся одни и те же люди, а во втором случае внутри массы устанавливаются некие постоянные роли, и эти роли исполняют сменяющие друг друга индивиды.

Второе условие заключается в том, что у индивида, входящего в массу, вырабатывается определенное представление о природе, функции, деятельности и требованиях массы, и на основании этих представлений формируется отношение к массе, как единому целому.

Третье условие: масса вступает в какие-то отношения с другими, похожими на нее массами, но все же отличающимися во многих отношениях, что дает повод для соперничества с ними.

Четвертое условие заключается в том, что в такой массе возникают традиции, обычаи и учреждения, в особенности такие, которые определяют отношения членов массы друг к другу.

Пятое условие состоит в том, что масса претерпевает расчленение; при таком расчленении происходит и дифференциация, в результате которой каждый индивид выполняет в массе особую, отведенную ему функцию.

По мнению МакДугалла, при соблюдении этих условий

масса освобождается от своих психических недостатков. От коллективного подавления интеллектуальной деятельности такая масса защищается тем, что решение интеллектуальных проблем изымается из юрисдикции массы и поручается отдельным индивидам — членам массы.

Нам представляется, что условие, обозначаемое МакДугаллом как «организация» массы, можно с большим правом описать по-другому. Задача при этом заключается в том, чтобы создать у массы те свойства, которые были характерны для индивида, но угасли при его присоединении к массе. Дело в том, что вне примитивной массы индивид обладал собственной цельностью, самосознанием, традициями и привычками, особой работоспособностью и направленностью мышления, что отличало его от других индивидов, с которыми он соперничал в обыденной жизни. Это своеобразие индивид на короткое время теряет после присоединения к «неорганизованной» массе. Если считать целью наделение массы атрибутами индивида, то будет полезно вспомнить содержательное замечание Троттера, который в склонности к образованию массы усматривал продолжение биологической тенденции высших организмов к многоклеточности.

IV

Внушение и либидо

Мы исходим из того основного факта, что индивид в массе часто претерпевает под ее влиянием глубокие изменения в своей психической деятельности. Аффективность индивида значительно возрастает, а интеллектуальная составляющая так же значительно слабеет. Оба эти процесса направлены на уравнивание с другими членами массы; достичь осуществления этих процессов можно лишь в случае ослабления торможения инстинктивных влечений и отказа от специфических индивидуальных наклонностей. Мы слышали, что эти нежелательные влияния могут быть – во всяком случае, отчасти – ослаблены высокой «организацией» масс, но основному факту психологии масс, положениям о повышенной аффектации и сниженной умственной деятельности в примитивной толпе это утверждение несколько не противоречит. Наша задача – найти психологическое объяснение для такого душевного переворота в психике индивида.

Рациональные объяснения вроде уже упомянутого утешения индивида в массе, каковое включает его инстинкт самосохранения, не могут прояснить суть наблюдаемых феноменов. Социологи и специалисты по психологии масс всегда предлагали для объяснения одно и то же, хотя и под разными названиями, и волшебным словом здесь будет сугге-

ствия, сиречь внушение. Тард называет это подражанием, но мы должны признать, что прав автор, напоминая нам, что подражание подпадает под понятие суггестии и является ее прямым следствием. У Лебона все странное и непонятное в социальных явлениях приписывается двум факторам – взаимному внушению составляющих толпу индивидов и обаянию вождя. Однако и само обаяние проявляет себя во влиянии, обусловленном внушением. При анализе утверждений МакДугалла у нас может сложиться впечатление, что его принцип «первичной индукции аффекта» позволяет исключить из рассмотрения внушение, но по зрелом размышлении мы все же должны признать, что этот принцип выражает не что иное, как уже известные нам «подражание» или «заразительность», но дополнительно подчеркивает их аффективную составляющую. Нет никакого сомнения в том, что у нас есть склонность впадать в аффект, если мы наблюдаем этот аффект у других, но зачастую мы успешно противостоим этому искушению и реагируем на чужой аффект совершенно противоположным образом. Так почему же в массе мы заражаемся аффектом, и это правило, а не исключение? Наверное, на это надо сказать, что это суггестивное воздействие массы заставляет нас подчиниться склонности к подражанию, тем самым индуцируя в нас аффект. Впрочем, и МакДугалл не обходится без внушения; от него мы, как и от других, слышим: для масс характерна особая внушаемость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.